

вѣдѣніями и относительно большою свободой. Многіе содержали при себѣ собственную прислугу. Если сравнить жизнь и бытъ школы съ Московскимъ университетомъ конца 20-хъ годовъ, то окажется, что разница между этими учебными заведеніями была невелика. Этимъ объясняются сравнительно частые переходы молодыхъ людей изъ университета въ школу. Репутація школы была такая, что помышлять о тяжести разницы условій Лермонтовъ не могъ“ (VI, 141).

Онъ подалъ прошеніе, выдержалъ пріемный экзаменъ—и приказомъ отъ 14 ноября 1832 г. былъ зачисленъ воспитанникомъ школы въ званіи унтеръ-офицера лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, на правахъ вольноопредѣляющагося. Лермонтовъ былъ доволенъ, но недовольна была бабушка: она даже захворала отъ мысли, что военная служба можетъ грозить ея любимцу опасностями войны. Впрочемъ и самъ Лермонтовъ скоро разочаровался, и впоследствии два года своего пребыванія въ школѣ называлъ годами „страшными“, но не вслѣдствіе военныхъ опасностей, а по причинамъ иного рода.

Съ начала 30-хъ годовъ, т.-е. какъ разъ, когда въ школу поступилъ Лермонтовъ, порядки тамъ начали измѣняться: школу „подтягиваютъ“ и ставятъ на иную ногу. Лекціи переносятъ на вечернее время, главнымъ предметомъ является маневренная ѣзда; чтеніе книгъ литературнаго содержанія возбраняется. Лермонтовъ почувствовалъ, что добиваясь свободы, онъ ошибся въ расчетѣ: школьная дисциплина начала его давить. Онъ вспомнилъ объ университетѣ:

Святое мѣсто!.. Помню я, какъ сонъ,
Твои каеэды, залы, корридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры—
О Богѣ, о вселенной!..

Теперь онъ попалъ въ общество, въ которомъ не думали о философіи и жили совсѣмъ другими идеалами. Главными достоинствами юнкера считали физическую силу, ухарство и готовность на всякаго рода „лихую“ шалость. „Понятія о геройствѣ и правдивости были своеобразныя и ложныя, отчего не мало страдали пришедшіе извнѣ новички, пока не привыкали ко взгляду товарищей: что въ такомъ-то случаѣ обмануть начальство похвально, а въ такомъ-то необходимо надо сказать правду. Такъ, напримѣръ, счи-

талось доблестнымъ не выдавать товарища, который, напередъ надломивъ тарелку, ставилъ на нее массу другихъ, отчего вся груда съ трескомъ падала и разбивалась, какъ только служитель приподнималъ ее со стола. Юнкера хохотали, а служителя наказывали. Новичка, вступившагося за несчастнаго служителя, если не прямо клеймили доносчикомъ, то немилосердно преслѣдовали за мягкосердіе и, именую его „маменькинымъ сыномъ“, прозывали болѣе или менѣе презрительными прозвищами. Хвалили же и восхищались тѣми, кто быстро выказывалъ „закалъ“, т.-е. неустрашимость при товарищескихъ предпріятіяхъ, обманъ начальства, выкидываніе разныхъ „смѣлыхъ штукъ“ (Висків VI, 175—176).

Самолюбивый Лермонтовъ не хотѣлъ прослыть „маменькинымъ сынкомъ“: напротивъ, онъ пожелалъ сразу же пріобрѣсти репутацію „лихого юнкера“ «Въ школѣ славился своею силою юнкеръ Евграфъ Карачевскій. Онъ гнулъ помнюла, или вязалъ изъ нихъ узлы, какъ изъ веревокъ... Съ этимъ Карачевскимъ тягался Лермонтовъ, который обладалъ большою силою въ рукахъ. Однажды, когда оба они забавлялись пробой силы, въ залъ вошелъ директоръ школы — Шлиппенбахъ. Вспыливъ, онъ сталъ выговаривать обоимъ юнкерамъ: „Ну, не стыдно ли вамъ такъ ребячиться! Дѣти, что ли, вы, чтобы палить?.. Сступайте подъ арестъ!“ Оба высидѣли сутки. Рассказывая затѣмъ товарищамъ про выговоръ, полученный отъ начальника, Лермонтовъ съ хохотомъ замѣтилъ: „Хороши дѣти, которые могутъ изъ желѣзныхъ помполовъ вязать узлы!“»

Желаніе Лермонтова не отставать отъ товарищей въ молодечествѣ едва не имѣло для него весьма печальныхъ послѣдствій. Вотъ что рассказываетъ одинъ изъ его товарищей по школѣ: „Вступленіе Лермонтова въ юнкера не совсѣмъ было счастливо. Сильный душою, онъ былъ силенъ и физически, и часто любилъ выказывать свою силу. Разъ послѣ ѣзды въ манежѣ, будучи еще, по школьному выраженію, новичкомъ, подстрекаемый старыми юнкерами, онъ, чтобы показать свое знаніе въ ѣздѣ, силу и смѣлость, сѣлъ на молодую лошадь, еще не выѣзженную, которая начала бѣситься и вертѣться около другихъ лоша-